

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.81'42

ББК 81

С29

Львовский национальный университет имени И. Франко

Селезинка Александр Михайловичe-mail: aselezinka@gmail.com

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ «THEIR SHADDOE» И «THEE» (27 СОНЕТ В. ШЕКСПИРА) В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье исследуются не декодированные библейские аллюзии «their shaddoe» и «thee» в 27 сонете В. Шекспира. Они имеют копулятивное семантическое значение – объединение главных героев в одном. Анализ этих библейских аллюзий в антропоцентрической парадигме исследования дает возможность предложить новое толкование «темных мест» в сонетах В. Шекспира.

Selezinka A. M.e-mail: aselezinka@gmail.com

BIBLICAL ALLUSIONS «THEIR SHADDOE» AND «THEE» (THE 27th SHAKESPEARE SONNET) IN THE ANTHROPOCENTRIC PARADIGM OF INVESTIGATION

The undecoded biblical allusions «their shaddoe» and «thee» in the 27th Shakespeare sonnet are analysed. They have copulative semantic meaning – the unity of many heroes in one. The analysis of this biblical allusion in the anthropocentric paradigm gives the possibility for a new interpretation of «dark places» in Shakespeare sonnets.

Ключевые слова: библейская аллюзия, инвариантные характеристики, рецептивные характеристики, копулятивная сема, дивергентная сема, структурная модель

Keywords: biblical allusion, invariant characteristics, receptive characteristics copulative seme, divergent seme, structural model

В современном шекспироведении остается много нерешенных проблем. Так, те места, толкование которых вызывает трудность, называются «dark places» (темными местами). Одно из них содержится в 10 строке 27 сонета В. Шекспира, а именно словосочетание «their shaddoe». Многие шекспироведы считают, что в этом микротексте была допущена опечатка. С целью ее устранения редакторы (Д. Виндхем (1898 г.) [1]; К. Дункан-Джоунс (2006 г.) [2] и др.) меняют местоимение множественного числа «their» на местоимение единственного числа «thou».

С нашей точки зрения, местоимение «their» в 27 сонете не является ошибкой, и для того, чтобы найти решение этой проблемы, следует провести текстовый анализ этого сонета в антропоцентрической парадигме: автор – текст – реципиент, а в нашем исследовании: автор – аллюзивный текст, в котором имеется библейская аллюзия, – реципиент. При таком подходе текст интерпретируется с учетом особенностей его создания, то есть «позиции» автора и восприятия текста, а именно «позиции» реципиента. Антропоцентричность текста обусловлена тем, что его создают для того, чтобы передать знания про человека и мир, который его окружает. При такой интерпретации, текст как основной компонент текстовой деятельности не автономен а направлен на читателя.

По мнению ученых (М. Пфистер [3], И. Г. Потылицина [4]) направленность текста на адресата служит причиной возникновения диалога между автором и реципиентом как главных антропоцентров коммуникации: адресант → адресат. Исследователи библейской аллюзии обычно анализируют ее с учетом этого процесса антропоцентрической коммуникации (Б. Ф. Соммер [5], Д. Р. Корн [6]). Они считают, что автор и читатель являются «арбитрами» семантического значения библейской аллюзии в том смысле, что писатель создает, а читатель интерпретирует текст.

Кроме того, выделяют абсолютную антропоцентричность художественного текста как его характеристику, у которой имеется как бы три атропоцентра:

- 1) автор, создатель художественного текста;
- 2) текст, предметом изображения которого является человек;
- 3) адресат, который, интерпретируя текст, становится как бы его соавтором.

Таким образом, человек создает текст, в котором изображается человек, а сам текст создается для человека – читателя и адресован ему.

С нашей точки зрения, абсолютная антропоцентричность характерна для шекспировских текстов, во-первых, потому, что большинство его произведений – драматические, а их персонажи – люди (действующие лица). Во-вторых, нужно учитывать то, что шекспировские тексты были созданы в эпоху Ренессанса, так как исследователи библейской аллюзии считают, что процесс ее понимания зависит не только от анализа аллюзивного текста как языковой деятельности, но и его изучения в контексте той эпохи и исторической ситуации, во времена которой он был создан (О. М. Дронова [7], Ю. Д. Соммер [5] и др.).

Основой ренессансного мышления был антропоцентризм. В. Шекспир – один из последних представителей эпохи Возрождения, гуманизм которой имел антропоцентрический характер и был направлен на:

- 1) обоснование центрального места человека в иерархии мировых ценностей;
- 2) возвеличивание достоинства человека;
- 3) признание его чем-то равным с Богом [8].

В отличие от современного мировоззрения, в эпоху королевы Елизаветы человека воспринимали в антропоцентрической парадигме – он не был личностью в новоевропейском понимании, но воплощал в себе одновременно сверхличность (Бога) и собственную личность, объединяя их в одном субъекте. Так, согласно с космогонией Николая Кузанского, человек – это маленький мир или микрокосм, который отображает в себе вселенную – макрокосм. Таким образом, он объединяет в себе все, становясь «всем во всем» или «всем в одном».

По сути, такое антропоцентрическое понимание человека заимствовано из Библии, в которой говорится о наличии в одном многих составляющих, а также о том, что все исходит от Бога и к Нему возвращается [для цитирования библейских

микротекстов мы использовали Женевскую Библию 1560 г. издания [9], так как, по мнению шекспироведов (В. Комаровой [10], Р. Нобла [11] и др.) В. Шекспир пользовался этой Библией:

I am α and ω , the beginning and the ending, saith the Lord, Which is, and Which was, and Which is to come, euen the Almightye.

(The Revelation, 1:8)

Идея нисхождения единого во множество и наоборот объясняется в трудах Дионисия Ареопагита. Так, в работе «О Божественных Именах» Дионисий Ареопагит объясняет семантическое значения лексемы «Единый» (одного из имен Бога) как единицы, предопределяющей существование всего:

«Единым же Он зовется потому, что единственно Он есть – по превосходству единственного единства – все и является, не выходя за пределы Единого, Причиной всего. Ибо нет в сущем ничего непричастного Единому. Ведь как всякое число причастно единице – и говорится «одна двоица», «один десяток»... – так и все, и часть всего причастует единице, существование единицы означает существование всего».

Далее Дионисий Ареопагит рассматривает Бога как всеобъемлющего, в котором соединяются противоположные понятия – единица и множество:

«Причинающий все не есть единица среди многих единиц: Он предшествует всякой единице и множеству и всякую единицу и множество определяет. Нет ведь множества, никак не причастного единице, но многое в частях едино как целое... И нет ничего среди сущих, что каким то образом не было причастно Единому, в своем единстве соединенно прообъемлющего все во всем, все в целом, включая противоположности».

Дионисий приходит к выводу о том, что, если все объединено в Боге, то Он и есть одним Единым целым – единицей и одновременно множеством:

«Без единицы не получится ведь множества, единица же без множества может существовать как единица, предшествующая всякому множественному числу. И если предположить, что все во всем объединено, все и будет целым Единым» [12].

Обратившись к Евангелию от Иоанна, мы находим описание этого единения «всего во всем» – Бога Отца в Сыне, а верующих как в Боге Сыне так и в Боге Отце:

I in them, and thou in me, that they may be perfect in one...

(John 17:23)

Подобное объединение двух, трех или более компонентов в одном выражено в шекспировских текстах при помощи библейской аллюзии «all in one». В семантике репрезентанта библейской аллюзии мы выделяем копулятивную СД (семантическую долю), значение заимствованное из Библии, и дивергентную СД – значение, отличное от библейского. В монографии «Библейские аллюзии в произведениях В. Шекспира» мы классифицировали библейскую аллюзию «all in one» в соответствии с количественным составом ее копулятивной СД:

1) двокомпонентная – «two in one» (например, «...my friend and I are one», с семантическим значением «объединение двоих [В. Шекспира и его друга] в одно»);

2) трикомпонентная – «three in one» (например, «three themes in one» [105 сонет] со значением «три в одном»). Это позволило по-новому проанализировать этот сонет, на основании которого возникла гипотеза о том, что первые 126 сонетов посвящены только другу поэта

(Ф. Метью [13], А. Пауз [14] и др.). По нашему мнению, в 105 сонете любовь лирического героя описывается благодаря единению трех тем в одну («three themes in one») – поэт всегда пишет про одно («one thing»). Таким образом, происходит слияние трех в одно, поскольку, как утверждает сам В. Шекспир, все его похвалы и песни посвящены одному и об одном («to one, of one»). Но его личное единое пространство, кроме самого поэта, включает еще две личности: возлюбленную и друга (три в одном). Исходя из этого, мы полагаем, что первые 126 сонетов В. Шекспира посвящены не только его другу, но и его возлюбленной);

3) поликомпонентная – «all in one», которая означает «больше, чем три в одном» (например, «and you but one, can every shadow lend» с семантическим значением «все в одном», поскольку лирическим герой В. Шекспира объединяет в себе, кроме самого поэта, его друга и возлюбленной, все тени, то есть облики всех прекрасных людей (Адониса, Елены). Согласно с неоплатоническим ренессансным учением тень – лишь отобраз вечной небесной красоты, отражение божественного прекрасного образа в человеке [1].

Такое понимание текста В. Шекспира и его героев утрачено у современного реципиента, но благодаря декодированию библейской аллюзии «all in one» оно становится знаком абсолютного антропоцентризма шекспировского текста. Абсолютная антропоцентричность проектируется на антропоцентры коммуникации: автор (В. Шекспир) – библейская аллюзия – реципиент. Они являются антропоцентрами не только в современном смысле (текст пишется человеком, о человеке и ради него), но и в ренессансном (автор текста, его персонаж и реципиент воспринимаются не как маленькие частицы мироздания, а как воплощение всего в одном универсальном человеке, все есть, всего в одном). Поэтому для адресата елизаветинской эпохи в отличие от современного реципиента толкование библейской аллюзии «all in one» в тексте В. Шекспира не вызывало трудностей. Подтверждением этого служит, на наш взгляд, недекодированные варианты библейской аллюзии «all in one» – «their shaddoe» и «thee». При ее анализе мы сначала цитируем текст источника с ее прототипом. Потом подаём соответствующий микротекст шекспировского сонета. В качестве источника мы используем факсимиле копии Чалмерса Бриджвонтера (издательство Эспли) кварто 1609, которое находится в Хантингтонской библиотеке [15]. Прототипы, репрезентанты аллюзий, а также словосочетание «his image», употребленное как синоним прототипа «our image» выделяем жирным шрифтом. Для удобства при чтении микротекста Женевской Библии «сонета букву «l» в оригинале заменяем на «s» :

26. Furthermore God said, Let vs make main in our image according to our licknes...

27. Thus God created man in his image: in the image of God created he him...

[Genesis 1:26-27]

В. Шекспир

For then my thoughts (from far where I abide)
Intend a zelous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eye lids open wide,
Looking on darknes which the blind do see.
Saue that my soules imaginary sight
Presents their shaddoe to my sightless view,
Which like a iewel (hunge in gastly night)
Makes blacke night beautious, and her old face new.
Loe thus by day my lims, by night my mind,
For thee, and for my self, noe quiet finde.

(27 sonnet)

Прототипом библейской аллюзии «their shaddoe» в процитированном микротексте Библии является словосочетание «our image», а прототипом «thee» – «he». С точки зрения богословов, местоимение «our» во множественном числе в 26 стихе Бытия указывает на троичность Бога, а в 27 стихе единение в одно Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого передается при помощи употребления притяжательного местоимения «his» в единственном числе, которое указывает на признак имени

существительного «image» и личного местоимения третьего лица единственного числа мужского рода «he», употребленного вместо лексемы «God».

В соответствии с грамматическими правилами слово «image» в словосочетании «our image» должно иметь окончание «s», то есть форму множественного числа. Имена существительные могут иметь форму либо единственного, либо множественного числа, так как в основе форм числа существительных лежит противопоставление понятий «один – много». Кроме указанных, в английском языке имеются также имена существительные, имеющие только одну форму числа – единственного (например, «water») или множественного (например, «clothes»). А лексема «image» имеет одновременно форму как единственного так и множественного числа, поскольку местоимение «our» в функции согласованного определения должно стоять в том же числе, что и существительное, а в данном случае наблюдается исключение из этого правила, то есть местоимение во множественном числе «our» определяет существительное в единственном числе – «image».

Итак, при помощи одновременного употребления формы единственного числа лексемы «image» и множественного числа притяжательного местоимения «our» устраняется противопоставление понятий «один – много». По нашему мнению в данном случае форму числа имени существительного «image» можно терминовать как форма единомножественного числа.

Словосочетание «our image» и личное местоимение «he» являются прототипами библейских аллюзий «their shadow» и «thee» в микротексте 27 сонета В. Шекспира на том основании, что они имеют следующие инвариантные характеристики (те, которые заимствованы из Библии):

1) устранение противопоставления понятий «один – много» при помощи одновременного употребления имени существительного в форме единственного числа и притяжательного местоимения в форме множественного числа в функции определения этого имени существительного, а также употребление личного местоимения в форме единственного числа;

2) копулятивная СД – «все в одном»;

3) тождественная структурная модель прототипа «our image» и библейской аллюзии «their shadow»: pron. + N

Следует отметить, что для этих библейских аллюзий присущи следующие рецептивные характеристики, приобретенные под влиянием шекспировского контекста:

1) замена таких базисных компонентов в прототипе «our image»: притяжательного местоимения первого лица множественного числа «our» на притяжательное местоимение третьего лица множественного числа «their»; а также имени существительного в форме единственного числа «image» на имя существительное в форме единственного числа – «shadow»;

2) дивергентная СД – объединение прекрасных образов главных героев сонета (темноволосой леди и друга В. Шекспира) в одно, поскольку «their shadow» и личное местоимение второго лица в форме единственного числа «thee» указывают не на божественные ипостаси, как в источнике, а на героев сонета. Как было отмечено нами, в 53 сонете В. Шекспира «shadow» – это поликомпонентная библейская аллюзия с семантическим значением «отражение Небесной красоты и прекрасного божественного образа в человеке». Таким образом, «shadow» в шекспировских текстах является синонимом лексемы «image», употребленной в словосочетании «our image» в тексте Бытия.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что в микротексте 27 сонета в библейской аллюзии «their shadow» притяжательное местоимение третьего лица множественного числа «their» не является ошибкой или опечаткой, а указывает на употребление имени существительного «shadow» в единомножественном числе для передачи копулятивного семантического значения «все в одном».

Кроме того, поскольку В. Шекспир объединяет себя и своих героев (друга и темноволосую леди) в одно, то модель антропоцентрической коммуникации выглядит следующим образом:

Библиография:

1. Wyndham G. Notes. The Sonnets//The Poems of Shakespeare – L.: Senate, 1994. – P. 242 – 335.
2. Shakespeare's Sonnets: [edit. by K. Duncan - Jones] – Croatia: The Arden Shakespeare, 2006. – 488 p.
3. Pfister M. Konzepte der Intertextualitaet//Intertextualitaet: Formen, Functionen, anglistische Fallstudien. 1985. – S. 1 – 30.
4. Potylitsina I. G. Diskursivnyy aspekt allyuzivnoy intertekstuanosti angliyskogo esse: dis. kandidata filol. nauk: 10.02.04 – M., 2005 – 213s.
5. Sommer B. D. Exegesis, Allusion and Intertextuality in the Hebrew Bible...// Vetus Testamentum, 1996. – №46. – P.479
6. Corn J. R. Answering Lamentations: Inner-Biblical Allusion as Evidence for Esther as a Response to Lamentations – Wake Forest, North Carolina, 2012. – 77p.
7. Dronova Ye. M. Stilisticheskiy priyem allyuzii v svete teorii intertekstualnosti: na materiale yazyka anglo-irlandskoy dramy pervoy poloviny KhKh veka: dis. kandidata filol. nauk: 10.02.04 – Voronezh, 2006 – 182s.
8. Petrushenko V. L. Filosofiya – Lviv: «Magnoliya 2006», 2009. – 506s.
9. Geneva Bible – Geneva, 1560. – 1226 p.
10. Komarova V. P. Shekspir i Bibliya – Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1998. – 176s.
11. Noble R. Shakespeare Biblical Knowledge – New York: Macmillan Co., 1935 – 303p.
12. Areopagit D. O Bozhestvennykh Imenakh: http://www.psylib.ukrweb.net/books/_dioar01.htm
13. Mathew F. An Image of Shakespeare – L.: Butler and Tanner, 1922. – 452 p.
14. Rowse A. L. William Shakespeare – New York: Barns and Noble Books, 1995. – 485p.
15. Shake-Speare Sonnets – L. G. Eld, 1609. – 78 p.